

Александр Глущенко

The book cover features a vertical tear down the center. To the left of the tear, the colors of the Russian flag are visible: white at the top, blue in the middle, and red at the bottom. To the right of the tear, the colors of the Ukrainian flag are visible: blue at the top and yellow at the bottom. A circular badge with a black border and the text '12+' is located in the upper right corner of the cover.

12+

Россия — Украина:

забытые и искаженные страницы истории
(988 - 1930 гг.)

Александр Глущенко

**Россия – Украина: забытые и
искаженные страницы истории**

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Глущенко А. И.

Россия – Украина: забытые и искаженные страницы истории /
А. И. Глущенко — «ЛитРес: Самиздат», 2015

В книге предпринята попытка показать неразрывное единство народов России и Украины, обусловленное историческими, духовно-нравственными корнями, ссылаясь на мнения авторитетных ученых – историков, философов, политологов, а также действовавших политиков. Книга состоит из двух томов. В первом томе дается краткая историческая справка о развитии отношений Украины и России, характеристика их совместного исторического пути с 988 по 1930 год. Предназначена для широкого круга читателей.

Содержание

От автора	5
Вводная историческая часть	7
1. Возникновение Киевской Руси и её крещение	7
2. Первые триста лет Киевской Руси (с начала XI до конца XIII века)	10
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Памяти всех убитых и сожжённых героев и мучеников, 1025-летию принятия Христианства на Руси, 70-летию Великой Победы над фашизмом, 200-летию великого украинского и русского гуманиста Т. Г. Шевченко – знаковым событиям горькой и славной истории многострадальных славянских народов, с твёрдой верой в нерушимую дружбу России и Украины, а также всем моим детям и внукам – настоящим и будущим, посвящается эта книга.

От автора

События последних лет, происходящие в современном мире, в первую очередь – отношения между Россией и Украиной, не могут не волновать современного человека, независимо от национальности, вероисповедания и места проживания.

Как никогда, актуальны сегодня слова призыва Рассела – Эйнштейна, который был составлен Бертраном Расселом в июле 1955 года и подписан Эйнштейном за несколько дней до смерти. Этот призыв указывает на опасность, которую представляет для человечества фашизм и термоядерное оружие. В нём, в частности, говорится: *“Мы можем, если захотим, пойти по пути счастья, знания и разума. Неужели всему этому мы предпочтём смерть, потому что мы не можем забыть наших ссор? Мы обращаемся как люди к людям: помните, что вы относитесь к человеческому роду, и забудьте всё остальное. Если вы сможете сделать это, вам открыт путь к новому счастью; если не сможете, вам грозит опасность всеобщего уничтожения”* (Цит. по: Полинг Лайнус. Не бывает войне! – М.: ИИЛ, 1960. – С.180–181).

Сегодня, в преддверии весьма вероятного перерастания “холодной” российско-украинской (при активном участии США и Западной Европы) войны в (не дай Бог!) “горячую”, и приближающегося 30-летия планетарной Чернобыльской катастрофы (по твёрдому мнению автора, взрыва ядерного реактора с выбросом в биосферу Земли миллиардов кюри), эти слова абсолютно точно отображают ситуацию растущего на планете риска возрождения фашизма и ядерного риска. Об этом, в частности, говорится, в недавно написанной и изданной автором книге “Жизнь под знаком ядерного риска” (М.: “Пик”, 2010).

С небывалой остротой для современного социума встаёт сегодня вопрос: способен ли Homo Sapiens осмысливать трагические уроки прошлого во имя спасения жизней своих детей и внуков? Это невозможно, если самым серьёзным образом не анализировать эти уроки, начиная с Крещения Киевской Руси святым князем Владимиром в 988 году. Именно об этом свидетельствуют нынешние украинские события. Именно об этом пытался написать автор настоящего труда: украинский еврей, родившийся в России, прах родителей, сестры и родственников которого покоится в украинской земле, ветеран атомной отрасли, лауреат Международной премии “Звезда Чернобыля” за 2012 год, член Российского Союза писателей, ликвидатор Чернобыльской катастрофы в 1986–1987 гг. Не являясь профессионалом-историком, автор книги, будучи убеждённым сторонником нерушимой российско-украинской дружбы, пишет о том, о чём, по его твёрдому мнению, молчать сегодня недопустимо.

Автор с сыновней любовью вспоминает своих покойных родителей: Ивана Евдокимовича и Бетю Абрамовну Глуценко, больших знатоков украинской истории и культуры, твёрдых сторонников нерушимой дружбы народов Украины и России, огромная библиотека которых явилась основой для написания настоящей книги.

Автор очень признателен старейшему депутату Совета Федерации РФ, бывшему Председателю Совета министров СССР и премьер-министру РФ Николаю Ивановичу Рыжкову за сделанные им замечания по структуре рукописи книги.

Наиболее важные замечания с авторскими комментариями приводятся по ходу изложения текста книги.

Следуя стилю своего духовного и литературного наставника Александра Исаевича Солженицына, явившегося инициатором написания его чернобыльской тетралогии “Красно-Жёлтое Колесо”, автор посчитал целесообразным сократить первую часть своей книги до сжатого изложения основных фактов русско-украинской истории. Такой стиль принят А.И. Солженицыным при написании его фундаментального романа-эпопеи “Красное Колесо”. Автору он кажется правильным, и в тексте своей книги он неоднократно ссылается на соответствующие разделы “Красного Колеса”. Исходный текст сокращён в большей или меньшей степени, в зависимости от степени его важности для книги в целом.

А. И. Глущенко

Вводная историческая часть

1. Возникновение Киевской Руси и её крещение

Следуя своему неизменному принципу, реализованному в семи предыдущих книгах: быть, по возможности, нейтральным и опираться на заслуживающие доверия факты и документы, автор предпочитает начать свою книгу с весьма авторитетного для современной Украины источника – книги известного украинского историка М.С. Грушевского, бывшего, к тому же, в начале XX века авторитетным членом всеукраинской Директории, а также профессором в Львовском университете. Она написана на украинском языке и называется “Ілюстрована Історія України” (Київ-Львів, 1913). Поскольку автор слабо владеет украинским языком, он приносит извинения (будущим) читателям своей книги за возможные неточности в процессе перевода с украинского на русский язык. Наиболее любознательным читателям, желающим уяснить смысл термина “русско-украинское двуединство”, автор рекомендует обратиться к его же книге “К истории русского двуединства: от Александра I до Владимира Путина (1812–2012 гг.) – духовно-нравственные аспекты” (Дятково, 2013). Неизменная позиция автора состоит в том, что украинская и русская история теснейшим образом переплетены друг с другом на протяжении многих веков. Именно это утверждение и составляет основу книги, предлагаемой вниманию читателя.

Итак, выдержка из первой части книги М.С. Грушевского “История Украины” (авт. пер. с укр.): “До основания украинской державы” (С.9 и далее):

“1. Про историю и предисторическую жизнь. История самим словом своим означает “разведывание, сказание, повествование” (от греческого корня “сказ”, как наше “сказать, сказание”), а применялось оно ко всему для сказания про минувшее своего края и народа. Такие сказания сначала держались устной памятью. Поскольку память людская не держит хорошо событий дольше, чем два-три поколения, а дальше начинает мешать, если её сказание намеренно не переведено в какую-либо форму, например, в песню или в стихи, предназначенные для запоминания. На более надёжный грунт встали те сказания, которые могли опереться на давнишние записи о прошедших делах, особенно, если эти записи делались их участниками, теми, которые сами эти события переживали. С помощью таких давних записей и сказаний стало возможным передавать память о событиях через долгий ряд поколений неизменной и чистой. Старшие исторические работы служили основой для позднейших; новые историки, перенимая от старших, добавляли к ним сказания о делах позднейших, и если бы не было прерывов и пропусков в этой работе, то история шла и развивалась бы непрерывной цепью, рассказывая обо всех временах полно и подробно. Однако на деле это никогда не обходилось без пропусков и прерывов. Часто пропадали и старые записи, и старые исторические сказания, да и у разных народов по-разному начиналась и письменность, и переписывание сказаний о событиях, и поэтому не у всех народов история одинаково давняя и одинаково полная.

В наших краях письменность начала распространяться перед 1000-м годом от Рождества Христова, когда начало распространяться Христианство. С того времени могли уже быть разные записи, а потом в этих записках ещё и использованы сказания про давнишнюю жизнь в наших краях; однако события с X века (с 900–1000 годов) больше описаны по памяти...”

Отдав дань уважения выдающемуся украинскому историку и общественно-политическому деятелю, перейдём к краткому изложению мнений наиболее авторитетных историков разных времён (по российским изданиям).

Из фундаментального труда известного русского и украинского историка Н.И. Костомарова «Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей» (Репринтное воспроизведение издания 1873–1888 гг., осуществлённого в 7 выпусках). «Первый отдел: Господство Дома Св. Владимира. Вып. 1: X – XIV столетия» (СПб., 1873. – С.1)”:

“Князь Владимир Святой.

...С достоверностью можно сказать, что, подобно всем северным европейским народам, – перешли к нам как понятия юридические и государственные, так и начала умственной и литературной деятельности. Принятие христианства было переворотом, и русский только с христианством получил действительные и прочные основы для дальнейшей выработки гражданской и государственной жизни, основ, без которых собственно для народа нет истории. С давних времён восточная половина нынешней Европейской России была населена народами племени чудского и тюркского, а в западной половине, кроме народов литовского и чудского племени, примыкавших своими поселениями к литовскому побережью, жили славяне под разными местными названиями, держась берегов рек: Западной Двины, Волхова, Днепра, Припяти, Сожи, Горыни, Стыри, Случи, Буга, Днестра, Сулы, Десны, Оки с их притоками. Они жили небольшими общинами, которые имели своё средоточие в городах – укреплённых пунктах защиты, народных собраний и управления. Никаких установлений, связующих между собой племена, не было. Признаков государственной жизни мы не замечаем. Славянорусские племена управлялись своими князьками, вели между собою мелкие войны и не в состоянии были охранять себя взаимно и общими силами против иноплеменников, а потому часто были покоряемы...

*...Такой варварский склад общественной жизни изменяется с принятием христианской религии, с которой из Византии – самой образованной в те времена державы – перешли к нам как понятия юридические и государственные, так и начала умственной и литературной деятельности. **Принятие христианства было переворотом, обновившим и оживотворившим Русь и указавшим ей историческую дорогу** (выделено мной – А. Г.).*

Этот переворот совершён Владимиром, получившим название Святого, человеком великим по своему времени. К сожалению, жизнь его нам мало известна в подробностях, и летописи, сообщающие его историю, передают немало таких черт, в достоверности которых можно скорее сомневаться, чем принимать их на веру. Откидывая в сторону всё, что может подвергаться сомнению, мы ограничимся короткими сведениями, которые, при всей своей скудости, всё-таки достаточно показывают чрезвычайную важность значения Владимира в русской истории.

В 988 году Владимир принял христианство... Достоверно только то, что Владимир крестился и в то же время вступил в брак с греческою царевною Анною, сестрой императоров Василия и Константина. Крещение его по всем вероятностям происходило в Корсуне, или Херсонесе, греческом городе на юго-западном берегу Крыма; и оттуда Владимир привёз в Киев первых духовных и необходимые принадлежности для христианского богослужения. В Киеве он крестил своих сыновей и народ. Жители без явного противодействия крестились в Днепре, отчасти потому, что в самом Киеве уже значительно распространено было христианство, и христиане не составляли там незначительного меньшинства, а более всего оттого, что у русских язычников не было жреческого сословия, которое бы разъяснило народу преступность такого переворота с языческой точки зрения и возбуждало бы толпу к сопротивлению. Владимир деятельно занимался распространением веры, крестил народ по землям, подвластным ему, строил церкви, назначал духовных. В самом Киеве он построил церковь Св. Василия и церковь Богородицы, так называемую “Десятинную”, названную так оттого, что князь назначил на содержание этой церкви и духовенства её десятую часть княжеских доходов. Для прочного укрепления новопринятой веры Владимир вознамерился распространить книжное просвещение, и с этой целью в Киеве и в других городах приказал отбирать у значительных домохозяев

детей и отдавать их в обучение грамоте. Таким образом, на Руси, в каких-нибудь лет двадцать, возросло число людей, по уровню своих понятий и по кругозору своих сведений, далеко шагнувших вперед от того состояния, в каком находились их родители; эти люди стали не только основателями христианского общества на Руси, но также проводниками переходившей вместе с религией образованности, борцами за начала государственные и гражданские. Эта одна черта уже показывает во Владимире истинно великого человека: он вполне понял самый верный путь к прочному водворению начал новой жизни, которые хотел привить своему полудикому народу; и проводил своё намерение, несмотря на встречаемые затруднения...»

У автора книги возникает вопрос: что означало празднование “Дня Независимости Украины” в конце августа 2014 года на главной улице Киева – Крещатике после сноса памятнику В.И. Ленину, отмены празднования Дня Победы – 9 мая и разгрома “победоносной украинской армии” ополченцами Юго-Востока Украины? Крещатик – это Крещенский путь к Всевышнему или путь к Дьяволу, обогранный кровью и страданиями?

Древнему государству недоставало той духовно-нравственной основы, которую, как справедливо пишет выдающийся русский и украинский историк XIX века Н.И. Костомаров, могло дать только “...принятие христианской религии, с которою из Византии – самой образованной в те времена державы – перешли к нам как понятия юридические и государственные, так и начала умственной и литературной деятельности. Принятие христианства было переворотом, обновившим и оживотворившим Русь и указавшим ей историческую дорогу...” Этот переворот совершил святой князь Владимир Киевский в 988 г. в г. Херсонесе. С этого времени начинается, как считает, в частности, и автор настоящей книги, история славянских народов, имеющих один общий исторический корень – **Киевскую Русь**.

2. Первые триста лет Киевской Руси (с начала XI до конца XIII века)

Принятие христианства и крещение народа, произошедшие в конце X века, – важнейшие исторические события, обусловившие огромные последствия для Киевской Руси, не только, как отмечено выше Н.И. Костомаровым, юридические и государственные, но и, безусловно, духовно-нравственные.

Нужно ли сегодня доказывать, что история братских славянских народов изначально была их единой историей – историей Киевской Руси, которой, по крайней мере первые триста лет, правили одни и те же князья, что никаких мифических “укров” не было? По крайней мере, ни один из серьёзных историков о них и не упоминает. Оказывается, нужно, если всмотреться и вслушаться в то, что сегодня происходит, пусть даже через призму пресловутой “москальской пропаганды”, из-за отношения к которой стали врагами даже близкие родственники. Однако вернёмся к трудам серьёзных исследователей – историков.

Из книги архиепископа Белорусского Георгия Кониского “История Русов или Малой России” (М.: Университетская типография, 1846. – С.2):

“...Историки сопредельных с Славянами народов, Птоломей, Геродот, Страбон, Диодор и другие, приписывая Славянам древность самую отдалённую, за 1610 лет до Рождества Христова известную, говорят, что они, ведя с соседями беспрестанные войны и преследуя переходивших их землю иноплеменных народов, зашли и переселили колонии свои за реку Дунай до моря Адриатического в Иллирии и от гор Карпатских до реки Одра; а на западных берегах Балтийского моря оселили всю Померанию, их наречием так названную. Но дают сии историки Славянским племенам различные названия, судя по образу их жизни и виду народному, например, Восточных Славян называли Скифами или Скиттами по кочевой жизни и по частому переселению с места на место; Полуденных – Сарматами по острым ящуринным глазам с призмуркою; и Русами или Русняками по волосам; Северных приморских Варягами называли по хищничеству и по засадам, ожидающим прохожих; а в середине от тех живущих по родоначальникам их, потомкам Афетовым, называли: по Князю Русу, Роксоланами и Россами, а по Князю Мосоху, кочевавшему при реке Москве и давшему ей сие название, Москвитами и Мосхами: от чего впоследствии и Царство их получило название Московского и наконец Российского...”

Возвращаясь к трудам выдающегося украинского историка, профессора М.С. Грушевского, воспользуемся его известной книгой “Очерки истории Киевской земли” (от смерти Ярослава до конца XIV столетия) (Киев: Типография Императорского университета Св. Владимира, 1891. – Гл. 2. Киевская земля до смерти Мстислава В. (1054–1132). – С.57 и далее (издано на русском языке):

“Половина XI века представляет поворотный пункт в истории Руси. Русские волости, собранные почти целиком в руках Ярослава Владимировича, снова распались со смертью его, разделённые между сыновьями. Явление это не представляет чего-нибудь нового само по себе: то же было при сыновьях Владимира, Святослава и, вероятно, ещё раньше, но на этот раз оно оказало существенное влияние на политический строй русских племён. После этого, несмотря на попытки многих потомков Ярослава, русские волости уже никогда, в продолжение долгого ряда веков, не могли быть снова собраны воедино, как то бывало раньше. С одной стороны, препятствовала размножение князей и христианская гуманность, удерживавшая их от таких резких объединительных средств, какие практиковались раньше, с другой стороны – попытки объединительной политики парализовались стремлением самих племён к самобытному существованию, так как предшествовавшая эпоха, хотя придала известное единство племенам, создала известную связь между ними, но нисколько не стёрла их племенных раз-

личий, не заглушила влечения к личности. Теперь размножение княжеского дома доставило отдельным племенам возможность без большого труда, без разрыва с установившимся политическим строем, достигнуть обособления: стоило только обзавестись отдельным князем, отдельную династией из дома Ярослава. И по мере того, как князья мельчали и ослабевали и в своих столкновениях должны были всё более опираться на земство, это последнее имело возможность приобрести или, точнее, вернуть себе снова более или менее широкое влияние и участие в политической жизни своей земли. Так создавался новый, так называемый удельно-вечевой строй, составляющий отличительную особенность времени, следующего за смертью Ярослава, от предшествующего.

Новые условия политической жизни произвели особенно большие перемены в положении Киевской земли. Раньше Киев представлял центр, около которого объединялись русские земли; киевский князь обладал большим могуществом и авторитетом, земство было оттеснено совершенно на второй план его дружиною. Теперь же, по мере размножения княжеского рода, владения киевских князей уменьшаются, постепенно падает их могущество и влияние; при отсутствии определённого порядка преемства на столе это даёт возможность другим князьям также предъявлять претензии на Киев, так как последний далеко выдавался среди других городов своим богатством и славой и представлял поэтому завидную добычу. Начинается бесконечная, упорная борьба за киевский стол, который беспрестанно переходит из рук в руки, и ни одна княжеская ветвь не может на нём осесть. Киевское население, вызванное к политической деятельности этой тревожной жизнью, напрасно старалось прекратить неурядицу, поставить в зависимость от себя преемство князей на столе и закрепить последний за излюбленной династией. Соперничество князей продолжалось, втягивало Киевскую землю в бесконечные войны, влекло за собою опустошение её, жестокие разорения самого Киева, наконец – давало кочевникам широкую возможность грабить землю, то в виде врагов, то в виде княжеских союзников, и результатом всего этого было совершенное ослабление и захудание Киевской земли...” (Не кажется ли Вам, уважаемый читатель, что просто в глаза бьёт поразительное сходство между событиями тысячелетней давности и тем, что сегодня происходит в стольном граде Киеве? – А. Г.).

“...Разорение Киева войсками Андрея в 1169 г. обрывает это напряжённое, беспокойное время.

Третий период обнимает перипетии постепенного упадка и захудания Киева. За первым разорением последовали новые погромы и разорения, более или менее губительные. Киев видимо отходит на второй план, значение политического центра в Южной Руси приобретает Галич, а на северо-востоке ещё раньше возвышается Владимир. Борьба за Киев как *res nullius*, по старой памяти ведётся, но она лишена прежней энергии, интенсивности, имеет какой-то монотонный характер. Дробление Киевской волости между князьями становится уже обычным явлением. Политическая деятельность земства ослабевает: оно как бы уходит в себя, отчаявшись в возможности осуществить свои стремления. Возобновляются половецкие опустошения, и борьба с ними не имеет прежнего успеха. Монгольским нашествием оканчивается это время, и начинается новый период в истории Киевицины, период чрезвычайно тёмный, но, можно догадываться, весьма знаменательный в истории народной жизни.

Конечно, указанные грани, как это обыкновенно бывает, лишь более или менее приблизительно совпадают с действительными стадиями развития и упадка Киевской земли и не могут охватить собою всех многообразных и трудно уловимых изменений в жизни её. Однако для более удобного обозрения истории Киевицины я воспользуюсь ими и разделю дальнейшее изложение на три отдела: от смерти Ярослава до смерти Мстислава Владимировича, от княжения Ярополка до разорения Киева в 1169 г. и от этого последнего до нашествия монголов.

...Ярослав Владимирович скончался в феврале 1054 г., распределив свои волости между сыновьями; завещание, которое влагает в уста его летописец, указывает владения последних и определяет их взаимные отношения, но при этом перечисляются только главные столы, о других же волостях умалчивается, и мы, с помощью других летописных известий, только до некоторой степени можем восполнить этот пробел. Старший сын Ярослава, Изяслав, по этому завещанию получает Киевскую волость, в состав которой впервые вошла теперь и Древлянская земля, составлявшая отдельную волость при сыновьях Святослава и Владимира. Ещё раньше, при жизни Ярослава, когда последний раздавал волости сыновьям в управление, Изяслав получил землю дреговичей, затем, когда скончался старший его брат Владимир (в 1052 г.), сидевший в Новгороде, Изяслав был переведён на этот стол, но сохранил за собой и Дреговичскую волость; так заставляют думать упоминания летописей: они говорят, что в момент смерти отца Изяслав княжил в Турове, а находился в Новгороде; по смерти отца за ним, кроме Киева, остались и Новгород, и Туров. Другие Ярославичи получили: Святослав – Черниговскую волость, Всеволод – Переяславскую, Игорь – Волынь, Вячеслав – Смоленск; полагают, что, кроме того, Святослав получил ещё Муром и Тмутаракань, а Всеволод – землю Ростово-Суздальскую. Следует упомянуть ещё об одном предположении; в большинстве списков летописи имя Игоря опущено в завещании Ярослава; это дало повод Карамзину высказать мнение, что Волынь принадлежала изначально к волости Изяслава и была отдана братьями Игорю как частный удел киевский. Но это предположение не может быть принято: нельзя удовлетворительно объяснить, почему бы Игорь, уже взрослый в момент смерти отца, не получил от него самостоятельной волости”.

Из “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина (М.: “Наука”, 1989. – Т.1, Гл.4. Великий князь Изяслав, названный в крещении Димитрием. 1054–1077. – С.44):

*“Древняя Россия погребла с Ярославом своё могущество и благоденствие. Основанная, возвеличенная Единовластием, она утратила силу, блеск и гражданское счастье, будучи снова раздробленною на малые области. Владимир исправил ошибку Святослава, Ярослав Владимирову: наследники их не могли воспользоваться сим примером, не умели соединить частей в целое, и Государство, шагнув, так сказать, в один век от колыбели своей до величия, слабело и разрушалось более трёхсот лет. Историк чужеземный не мог бы с удовольствием писать о сих временах, скудных делами славы и богатых ничтожными распрями многочисленных Властителей, коих тени, обгаренные кровию бедных подданных, мелькают перед его глазами в сумраке веков отдалённых. **Но Россия нам отечество: её судьба и в славе, и в уничижении равно для нас достопамятна** (выделено мною – А. Г.). Мы хотим обозреть весь путь Государства Российского от начала до нынешней степени оногo. Увидим толпу Князей недостойных и слабых; но среди их увидим и Героев добродетели, сильных мышцею и душою. В тёмной картине междоусобия, неустройств, бедствий, являются также яркие черты ума народного, свойства нравов, драгоценные своею древностию. **Одним словом, История предков всегда любопытна для того, кто достоин иметь отечество** (выделено мной – А. Г.)”.*

Даже из вышеприведённых отрывков трудов выдающегося украинского историка М.С. Грушевского и выдающегося русского историка Н.М. Карамзина очевидно, что ситуацию в княжеской верхушке Киевской Руси после смерти Владимира и его сына Ярослава (XI век) они оценивают приблизительно одинаково – как борьбу за власть и деньги между княжескими наследниками. А что пишут об этом периоде другие российские историки? Подчеркнём ещё раз, что ни о каких “украх”, которыми в качестве предков так любят шеголять сейчас в Киеве, никто из серьёзных исследователей-историков даже не упоминает. Из цитированного выше труда Н.И. Костомарова:

“...Ярослав более всего оставил по себе память в русской истории своими делами внутреннего устройства. Недаром, во время борьбы со Святополком, киевляне называли его “хором-

цем”, охотником строить. Он действительно имел страсть к сооружениям. В 1037 году напали на Киев печенеги. Ярослав был в Новгороде и поспешил на юг с варягами и новгородцами. Печенеги огромною силою подступили к Киеву и были разбиты наголову... В память этого события создана была Ярославом церковь Св. Софии в Киеве на том месте, где происходила самая жестокая сеча с печенегами...

...Время Ярослава ознаменовалось распространением христианской религии по всем русским землям... В суздальской земле в 1024 году сам Ярослав боролся против язычества... Христианство сильнее стало распространяться в этой земле между Мерею. Всего глубже пустила свои корни новая вера в Киеве, и потому там строились один за другим монастыри. Умножение епископских кафедр потребовало установления главной кафедры над всеми, или митрополими. Ярослав положил начало русской митрополии вместе с основанием Св. Софии... Киевский князь, как видно, имел намерение освятить в глазах народа свой княжеский род и с этою целью, вскоре по утверждении своём в Киеве, перенёс тело Глеба и положил рядом с телом Бориса в Вышгороде: с этих пор они начали привлекать к себе народ на поклонение; говорили, что тела их были нетленны, и у гроба их совершались исцеления... Ярослав скончался 20 февраля 1054 года на руках у любимого сына Всеволода и погребён в церкви Св. Софии в мраморной гробнице, уцелевшей до сих пор”.

Из приведённых выше цитат из трудов наиболее выдающихся и авторитетных учёных-историков разных эпох, как до революции 1917 года, так и после нее, прямо следует, по крайней мере один важнейший вывод – **начиная, по меньшей мере, с принятия христианства киевским князем Св. Владимиром в 988 году история братских славянских народов абсолютно неразделима и нерасторжима. Она нашла своё историческое воплощение в едином древнеславянском государстве – Киевской Руси!**

И как бы ни пытались современные “изыскатели” никому неведомых “укров” вкупе с их западными покровителями переписывать историю “незалежной” Украины, все это не более чем попытки с негодными средствами.

Не кажется ли Вам, уважаемый читатель, что существует определённое сходство между тем, что происходило в Киеве 1000 лет назад, и тем, что происходит сегодня на Юго-Востоке Украине и в том же Киеве, с той разницей, что тогда не было ни украинского фашизма, именного “бандеровщины”, ни растущих последствий ядерной катастрофы в Чернобыле. Всех нормальных людей потрясли известия из Одессы в начале мая 2014 года о сожжении заживо 48 жителей Одессы (полагаю, что гораздо больше) только за то, что они выступали против самозваной киевской власти и за “федерализацию”, т. е. абсолютно законное право регионам самим решать свою судьбу.

Из трёхтомного труда русско-украинского историка Н.И. Костомарова “Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей” (СПб., 1873. – Т.1, отдел первый “Господство дома Св. Владимира. Вып. 1. X – XIV столетия. Раздел 3. Преподобный Феодосий Печерский. – С.23):

“...Понятия об отречении от мира, об удручении плоти, ошельничестве и монастырском житии пришли к нам, конечно, разом с крещением. Хотя во времена Владимира в старинных списках летописи не говорится о монастырях, но это, конечно, от того, что христианство только что водворялось; однако, вероятно, что тогда уже появились начатки монашеского жития. О временах Ярослава существует положительное известие, что в его княжение начались монастыри и умножились черноризцы: этот князь любил духовных и в особенности монахов; при нём в Киеве явилось несколько монастырей; но первые начатки, по недостатку людей, сильных волею, оказались слабыми. Истинными утвердителями монастырского жития были: Антоний, а более всего Феодосий, основатели Печерского монастыря. Обычай выкапывать пещеры и поселяться в них, в видах спасения, возник в Египте и существовал на всём Востоке. Вместе с религиозными преданиями зашли к нам и повествования об уго-

дивших Богу пещерниках; явились раздражители. Первый, начавший копать пещеру близ Киева, был Иларион, священник в селе Берестове, получивший потом сан митрополита. В покинутой им пещере поселился молодой Антоний, родом из Любеча, который ходил на Афонскую гору и получил там монашеское пострижение. По возвращении в отечество он не был доволен жизнью в монастырях, построенных в Киеве, поселился в пещере, изнурял себя воздержанием, вкушал только хлеб и воду, и то через день. Скоро, однако, слава его разнеслась по Киеву, и благочестивые люди приносили ему потребное для жизни. Пример его подействовал на какого-то священника, по имени Никон: он пристал к Антонию и стал с ним жить в пещере. За ним явился к нему третий сподвижник: это был Феодосий.

Нам осталось житие этого святого. Оно, несомненно, старое, так как известно по рукописям XII века и, как значится в нём, написано Нестором, печерским летописцем. По этому житию, Феодосий был уроженец города Василёва (ныне г. Васильков. По-видимому, не случайно именно в этом городе в 1825 г. руководители Южного тайного общества декабристов С.И. Муравьёв-Апостол и М.П. Бестужев-Рюмин написали свой “Православный Катехизис” и подняли Черниговский полк на борьбу с царской властью, за что и были повешены в Петропавловской крепости в июле 1826 г. – А. Г.). Он лишился отца в тринадцатилетнем возрасте и остался под властью матери, женщины сурового нрава и упрямой. С детства заметна была в нём молчаливость и задумчивость; он удалялся от детских игр; религия стала привлекать к себе эту сосредоточенную натуру: благочестивое чувство рано пробудилось в нём и овладело всем его бытиём. Первое, чем выразилось оно, было стремление к простоте; ему противны казались внешние отличия, которые давало ему перед низшими его общественное положение; он не терпел блестящих одежд, надевал на себя такое же платье, какое было на рабах, и вместе с ними ходил на работу. Мать сердилась на это и даже била своего сына. Какие-то странствующие богомолцы пленили его рассказами об Иерусалиме, о местах, где жил, учил и страдал Спаситель, и Феодосий тайно ушёл с ними... Он слышал, что в Киеве есть монастыри и туда направил путь, чтобы там постричься. Путь был не короткий; дороги Феодосий не знал; к счастью, он встретил купеческий обоз, шедший с товарами в Киев, и не теряя его из виду, шёл за ним следом, останавливаясь тогда, когда обоз останавливался, и снова продолжал путешествие, когда обоз снимался с места. Так добрался он до Киева. Но киевские монастыри ещё менее оказались удовлетворительными для Феодосия, чем для Антония. Юноша был беден; нигде в монастырях не хотели принять его. Он услышал об Антонию, отправился к нему и просил принять к себе.

– Чадо, – сказал Антоний, – пещера-это место скорбное и тесное, ты же молод: я думаю, не вытерпишь скорби в сём месте.

– Честный Отче – ответил Феодосий – ты всё проразумеваешь, ты знаешь, что Бог привёл меня к твоей святости. Всё, что велешь, буду творить.

– Чадо – сказал Антоний – благословен Бог, укрепивший тебя к такому намерению. Пребывай здесь.

Он приказал Никону постричь Феодосия. То было при князе Ярославе. Мать только через четыре года нашла на след пропавшего без вести сына, приехала в Киев и с большим трудом добилась, при посредстве Антония, свидания с сыном. Феодосий остался непреклонен ко всем молениям и просьбам и уговорил её принять пострижение...

...Варлаам (один из отшельников – А. Г.) построил над пещерою церковь и был игуменом после того, как Никон ушёл из Киева в Тмутаракань. С тех пор здесь положено было начало монастырского жития. Скоро Варлаам, по желанию князя, был переведен игуменом в монастырь Св. Димитрия, а вместо него, по благословению Антония, братия избрала игуменом Феодосия.

...Феодосий, сделавшись Игуменом, выказал в высокой степени талант устроителя и правителя. Внешние знаки власти не только не пленяли его, но были ему противны; зато он

умел властвовать на самом деле, как никто, и своим нравственным влиянием держал монастырь в безусловном подчинении. Он отыскал удобное для построения церкви место, неподалёку от пещеры, и в короткое время построил там другую церковь во имя Пресв. Богородицы, выстроил около неё кельи, переселился туда с братией из пещер и послал одного из братии к Ефрему скопцу в Константинополь, с просьбою прислать для новоустроенного монастыря устав. Ефрем скопец, бывший постриженник печерский, прислал Феодосию устав студийского монастыря в Константинополе, славившегося как святостью своих сподвижников, так и ревностью их к православию во времена иконоборства. Этот устав и послужил на многие века уставом Печерского монастыря...

...Предписывая своим монахам строгое удаление от мира, который представлялся гнездилищем всех зол, Феодосий соприкасался с мирскими людьми делами христианской любви: он устроил близ монастыря двор для увечных, слепых, хромых и давал на них десятую часть монастырских доходов, а по субботам посылал хлеба в тюрьмы.

...К Феодосию обращались мирские люди с просьбами о заступлении перед князьями и судьями, и он помогал им своим ходатайством, так как князья и судьи уважали голос Феодосия, считая его праведником... Добрые отношения к князьям не мешали Феодосию обличать их за несправедливые деяния. Когда Святослав изгнал брата своего Изяслава, Феодосий порицал его и в своем послании к нему уподоблял его Каину, убившему брата своего Авеля. Святослав так рассердился за это, что грозил послать печерского игумена в заточение. «Я этому рад, – сказал Феодосий, – для меня это самое лучшее в жизни. Чего мне страшиться: потери ли имущества и богатств? Разлучаться ли мне с детьми и сёлами? Нагими пришли мы в этот мир, нагими и выйдем из него!». Князь не стал преследовать более Феодосия, всеми уважаемого, но и Феодосий перестал обличать Святослава, а только при всяком случае просил его возвратить княжение брату, и в своём монастыре просил поминать на ектениях сперва Изяслава, как великого князя, а за ним уже, в виде снисхождения, Святослава...

Уже незадолго до кончины Феодосия положено было начало основанию каменной церкви на том месте, где находится и теперь главный храм Печерской обители. Средства для этого, на первый раз, были доставлены одним варягом, по имени Шимон... Он исцелился от ран, рассказал Антонию о видениях, и отдал ему венец и пояс. Антоний переименовал Шимона в Симона и передал его Феодосию. Симон очень полюбил Феодосия и доставил ему много средств для постройки новой церкви. Это было в 1073 году.

Церковь заложена была в 1073 году Феодосием и епископом Михаилом во время бытности в Царьграде митрополита Георгия. Основание её также подало повод к составлению рассказов о том, как четыре мастера в Царьграде получили от самой Богородицы приказание идти в Русь и построить церковь, что икона, которая впоследствии сделалась местной, принесена из Греции, вручена была самою Богородицею и есть произведение небесного искусства. Это было начало того благоговейного почитания икон явленных, так распространённого впоследствии на Руси. Отыскание места для церкви также сопровождалось чудесами, подобными чудесам Ветхого Завета в истории Гедеона и Или... На том месте, где высшее знамение указало быть церкви, росли кустарники; они были истреблены огнём, низведённым с неба силою молитв Феодосия. Когда нужно было копать ров для закладки храма, эту работу первый предпринял князь Святослав. Богатые люди жертвовали вклады, волости и сёла на создание храма с тем, чтобы быть погребёнными на этом месте. Варяг Симон первый удостоился этой чести.

В следующем 1074 году 2 мая скончался преподобный Феодосий. Назначив по выбору братии, даже против своего собственного желания, преемником себе Стефана, приказал после своей смерти не омыwać своё тело и похоронить в пещере, в той бедной одежде, которую он носил и в которой отошёл в вечность”.

Как видно из вышенаписанного, основатели Киево-Печерского монастыря (впоследствии ставшего Лаврой) монахи Антоний и Феодосий были людьми очень высоких духовно-нравственных качеств, что обусловило их высокий авторитет как в глазах киевских князей, так и простых граждан г. Киева. Это обстоятельство, подтверждаемое и другими историческими источниками, принципиально важно, по мнению автора книги, для дальнейшего конспективного изложения истории Киевской Руси.

Однако вернёмся к фундаментальному труду Н.И. Костомарова (Первый отдел. Господство дома Св. Владимира. Выпуск 1. X – XIV столетия. Гл.4. Князь Владимир Мономах”. – С.39 и далее):

“Между древними князьями до-татарского периода после Ярослава никто не оставил по себе такой громкой и доброй памяти, как Владимир Мономах, князь деятельный, сильный волею, выдававшийся здравым умом посреди своей братии князей русских. Около его имени вращаются почти все важные события русской истории во второй половине XI и в первой четверти XII века...

...Время его княжения до смерти, последовавшей в 1125 году, было периодом, самым цветущим в древней истории Киевской Руси. Уже ни половцы и никакие другие иноплеменники не беспокоили русского народа...

Владимир Мономах является в русской истории законодателем. Ещё ранее его, при детях Ярослава, в “Русскую Правду” вошли важные изменения и дополнения. Важнейшее из изменений было то, что месть за убийство была устранена, а вместо того введено наказание платежом вир (а спустя тысячу лет можно безнаказанно убить и сжечь свыше сотни жителей Одессы, а убийц ещё объявят едва ли не героями – А. Г.).

...Эпоха Владимира Мономаха была временем расцвета состояния художественной и литературной деятельности на Руси. В Киеве и в других городах воздвигались новые каменные церкви, украшения живописью; так, при Святополке был построен в Киеве Михайловский Золотоверхий монастырь, стены которого существуют до сих пор, а близ Киева – Выдубицкий монастырь на месте, где был загородный двор Всеволода; кроме того, перед смертью Владимир построил прекрасную церковь на Альте, на том месте, где был убит Борис. К этому времени относится составление нашей первоначальной летописи. Игумен Сильвестр (около 1115 года) соединил в один свод прежде существовавшие уже отрывки и, вероятно, сам прибавил к ним сказания о событиях, которых был свидетелем. В числе вошедших в его свод сочинений были и писания летописца Печерского монастыря Нестора, отчего весь Сильвестров летописный свод носил потом в учёном мире название Несторовой летописи, хотя и неправильно, потому что далеко не всё в ней писано Нестором и притом не всё могло быть писано одним только человеком.

Несомненно, кроме оригинальных и переводных произведений собственно религиозной литературы, тогда на Руси была ещё поэтическая самобытная литература, носившая на себе более или менее отпечаток старинного язычества. В случайно уцелевшем поэтическом памятнике конца XII века: “Слове о полку Игореве” упоминается о певце Бояне, который прославлял события старины и, между прочим, события XI века; по некоторым признакам можно предположить, что Боян воспевал также подвиги Мономаха против половцев. Этот Боян был так уважаем, что потомство прозвало его Соловьём старого времени. Сам Мономах написал “Поучение своим детям”, или так называемую Духовную...”

Мономах скончался близ Переяславля, у любимой церкви, построенной на Альте 19 мая 1125 года, семидесяти двух лет от роду. Тело его было привезено в Киев. Сыновья и бояре понесли его к Св. Софии, где он и был погребён. Мономах оставил по себе память лучшего из князей...”

Вероятно, народные эпические песни о временах киевского князя Владимира Красное Солнышко, так называемые былины Владимиров цикла, относятся не к одному Владимиру Свя-

тому, но и к Владимиру Мономаху, так что в поэтической памяти народа эти два лица слились в одно... За ним в истории останется то великое значение, что, живя в обществе, едва выходявшем из самого варварского состояния, вращаясь в такой среде, где каждый гонялся за узкими своекорыстными целями, ещё почти не понимая святости права и договора, один Мономах держал знамя общей для всех правды и собирал под него силы русской земли”.

Из книги выдающегося русского историка В.О. Ключевского “Курс русской истории” (М.: “Мысль”, 1987. – Т.1, ч. 1, лекция XVIII. Андрей Боголюбский. – С.318 и далее):

“...*Политические следствия русской колонизации Верхнего Поволжья начали обнаруживаться уже при сыне того суздальского князя, в княжение которого шёл усиленный её прилив, при Андрее Боголюбском. Сам этот князь Андрей является крупной фигурой, на которой наглядно отразилось действие колонизации. Отец его Юрий Долгорукий, один из младших сыновей Мономаха, был первый в непрерывном ряду князей Ростовской области, которая при нём и обособилась в отдельное княжество; до того времени это чудское захолустье служило прибавкой к южному княжеству Переяславскому. Здесь на севере, кажется, и родился князь Андрей в 1111 году. Это был настоящий северный князь, истый сузделец-залешанин по своим привычкам и понятиям, по своему политическому воспитанию. На севере прожил он большую половину своей жизни, совсем не видавши юга. Отец дал ему в управление Владимир на Клязьме, маленький, недавно возникший суздальский пригород, и там Андрей прокняжил далеко за тридцать лет своей жизни, не побывав в Киеве. Южная, как и северная, летопись молчит о нём до начала шумной борьбы, которая завязалась между его отцом и двоюродным братом Изяславом волынским с 1146 г. Андрей появляется на юге впервые не раньше 1149 г., когда Юрий, восторжествовав над племянником, уселся на киевском столе.*

С тех пор и заговорила об Андрее южная Русь, и южнорусская летопись сообщает несколько рассказов, живо рисующих его физиономию. Андрей скоро выдвинулся из толпы тогдашних южных князей особенностями своего личного характера и своих политических отношений. Он в боевой удали не уступал своему удалому сопернику Изяславу, любил забавляться в разгаре сечи, заноситься в самую опасную свалку, не замечая, как с него сбивали иллем. Всё это было очень обычно на юге, где постоянные военные опасности и усобицы развивали удалство в князьях, но совсем не было обычно умение Андрея быстро отрезвляться от воинственного опьянения. Тотчас после горячего боя он становился осторожным, благоразумным политиком, осмотрительным распорядителем. У Андрея всегда всё было в порядке и наготове; его нельзя было захватить врасплох; он умел не терять головы среди общего переполоха. Привычкой ежеминутно быть настороже и всюду вносить порядок он напоминал своего деда Владимира Мономаха. Несмотря на свою боевую удали, Андрей не любил войны, и после удачного боя первый подступал к отцу с просьбой мириться с побитым врагом.

Южнорусский летописец с удивлением отмечает в нём эту черту характера, говоря: “Не величав был Андрей на ратный чин, т. е. не любил величаться боевой доблестью, но ждал похвалы лишь от Бога”. Точно так же Андрей совсем не разделял страсти своего отца к Киеву, был вполне равнодушен к матери городов русских и ко всей южной Руси. Когда в 1151 г. Юрий был побеждён Изяславом, он плакал горькими слезами, жалея, что ему приходится расстаться с Киевом. Дело было к осени, Андрей сказал отцу: “Нам теперь, батюшка, здесь делать больше нечего, уйдём-ка отсюда затепло (пока тепло)”.

По смерти Изяслава в 1154 г. Юрий прочно уселся на киевском столе и просидел до самой смерти в 1157 г. (Москва, как известно, была основана Юрием Долгоруким на 10 лет раньше, в 1147 г. – А. Г.). Самого надёжного из своих сыновей, Андрея, он посадил у себя под рукою в Вышгороде, но Андрею не жилось на юге. Не спросившись отца, он тихонько ушёл на свой родной суздальский север, захватив с собой из Вышгорода принесённую из Греции чудотворную икону Божьей матери, которая потом стала главной святыней Суздальской земли под име-

нем Владимирской. Один позднейший летописный свод так объясняет этот поступок Андрея: “Смущался князь Андрей, видя настроение своей братии, племянников и всех сродников своих: вечно они в мятеже и волнении, всё добиваясь великого княжества киевского, ни у кого из них ни с кем мира нет (предлагаю читателю сравнить эти слова летописца с ситуацией 2014 г. в том же Киеве – А. Г.), и оттого все княжества запустели, а со стороны степи всё половцы выпленили; скорбел об этом много князь Андрей в тайне своего сердца и, не сказавшись отцу, решился уйти к себе в Ростов и Суздаль – там-де поспокойнее”.

По смерти Юрия на киевском столе сменилось несколько князей и, наконец, уселся сын Юрьева соперника, Андреев двоюродный племянник Мстислав Изяславович вольинский. Андрей, считая себя старшим, выждал удобную минуту и послал на юг с сыном суздальское ополчение, к которому там присоединились полки многих других князей, недовольных Мстиславом. Союзники взяли Киев “копьем” и “на щит”, приступом и разграбили его (в 1169 г.). Победители, по рассказу летописца, не щадили ничего в Киеве, ни храмов, ни жён, ни детей: “Были тогда в Киеве на всех людях стон и туга, скорбь неутешная и слёзы непрестанные”. Но Андрей, взяв Киев своими полками, не поехал туда сесть на стол отца и деда: Киев был отдан младшему Андрееву брату Глебу. Андреевич, посадивши дядю в Киеве, с полками своими ушёл домой к отцу на север с честью и славою великою, замечает северный летописец, и с проклятием, добавляет летописец южный...”

Не с этого ли разграбления Киева суздальским ополчением началась очень давнишняя и, скажем прямо, традиционная нелюбовь киевлян к “москалям”, которая докочевала через многие века до трагической весны 2014 года, где и вспыхнула ярким пламенем? А как описывает те же события известный украинский историк М.С. Грушевский? Из его книги “Очерки истории Киевской земли (от смерти Ярослава до конца XIV столетия)” (Киев, 1891. – С.222. – Часть 3. Борьба за киевский стол (1132–1169):

“...Киев был взят 8 марта 1169 г., в среду второй недели поста – день весьма памятный для Киевской Руси. Впервые мать градов русских, “славнейшее украшение Греции” было взято на щит и разграблено. Два дня грабили весь город – Подолье, Гору, монастыри; смольняне, суздальцы, черниговцы и “поганые берендичи” с одинаковым усердием грабили и частные дома, и церкви; забраны были иконы, ризы, колокола; множество жителей было отведено в плен, и “бысть в Киеве на всех человеках стенание и туга, и скорбь неутешимая, и слёзы непрестанные”.

Небывалый факт разграбления Киева Соловьев объяснял тем, что теперь в первый раз “Киев был взят вооружённою рукою, при всеобщем сопротивлении жителей”. Но если сравнить летописные описания взятия Киева 1161 г. – войсками Изяслава Давыдовича, и 1169 г. – войсками Андрея, разницы собственно не окажется; в обоих случаях летопись совершенно молчит об участии населения в обороне, фигурирует дружина, которая в оба раза советует князю очистить город в случае неудачи... Если в одном случае Киев не заплатился особенно, а в другом был подвергнут жестокому разорению, то причину этого нужно искать в намерениях князей: Изяслав завоевывал Киев для себя и потому имел основание щадить его, Андрей же, как видно из сопоставления других фактов, имел в виду только ослабить и унижить значение Киева: несомненно, Мстислав Андреевич знал намерения и желания своего отца и, конечно, мог бы унять от грабежа союзников, если бы сохранение Киева входило в планы Андрея, но этого не имел в виду последний. Нельзя, мне думается, видеть в разорении Киева и проявления народной борьбы, мести Киеву подчинённых племён за его гегемонию, централизационную политику, как думают некоторые: эта гегемония давным-давно отошла в область преданий; охота до грабежа была всегда у войска, помимо всяких руководящих идей, – ему лишь нужно было разрешение, и оно было дано”.

Автор настоящей книги не согласен с мнением уважаемого украинского историка г-на М.С. Грушевского о том, что “гегемония Киева... давным-давно отошла в область преданий”. Наоборот, самые последние события на Украине наглядно свидетельствуют о том, что именно желание незаконной киевской власти навязать регионам юго-восточной Украины своё стремление к сохранению унитарного государства чисто фашистскими методами – применением вооружённых сил против безоружных граждан, блокадой и расстрелами своих же земляков – привели к невиданной ранее активности населения Донецкой и Луганской областей, почти единодушно проголосовавших на референдуме 11 мая 2014 года за создание Донецкой и Луганской народных республик и сохранение государственного статуса русского языка на территории этих республик.

Из “Истории Русов или Малой России” архиепископа Белорусского Георгия Кониского (М.: Университетская типография, 1846. – С.4):

“..По кончине Владимира Первого, скоро кончилось и соединение Царства его. Сыновья и племянники Владимировы разделили его на двенадцать Княжеств, оставив однако же по-прежнему верховным над всеми Великое Княжество Киевское, в коем главнейшие от прочих Князей были: Ярослав Владимирович, распространивший и утвердивший Христианство, сочинивший чрез избранных мужей Руские законы, учредивший в Киеве главное училище Богословия и других изящных наук, с обширною из Греции выписанною библиотекою, и соблюдивший первенство своё со славою; Владимир Второй, названный Мономахом по деду его с матерней стороны, Императору Греческому, Константину Мономаху, по которому и он признан от Греческой Империи Царём Руским и получил на то дедовскую корону, со всеми другими Царскими регалиями. Но восставшие разделом Княжеств междоусобные войны, за первенство и наследство между Князьями всегда продолжавшись, первые ослабили Великое Княжество Киевское, потом и совсем его разорвали, и с 1161 года назывались Великими Княжествами: Галицкое в Чермноруссии, Владимирское на Клязьме и наконец Московское по городу Москве. Но и те Княжества славились первенством своим по 1238 год; а с сего года нашествие войною Мунгалских татар, под начальством Хана их Батья, внука Чингис-Ханова, все Княжества удельные и великие разрушило почти до основания; города их и селения разорены и многие сожжены, Князья и воинства избиты, а оставшиеся рассеялись по отдалённым северным провинциям, и с сего времени большая часть Руских Княжеств подпали Татарскому игу. И хотя Княжества опять восстановлены, но пребывали они с князьями своими в подданстве Татарских Ханов, которые, взимая дань с народа, поставляли в них Князей и их переменили по своему произволению. Что продолжалось по 1462 год, в который Князь Московский Иван Васильевич, Третий сего имени, пользуясь слабостию Татар, изнемогих междоусобными войнами и разделениями, отказал Хану Ахмату от ежегодной дани с народа и от своего повинования; а внук сего князя, Иван Васильевич Четвёртый, названный Грозный, совокупив многие Княжества Руские воедино, в 1547 году переименовал себя из Князя Царём и Самодержцем Московским, и с того времени навсегда уже Царство Московское и его владетели сим названием титуловались, с переименованием наконец Царства Московского в Российское, которое, для различия от Чермной и Белой Руси, называлось Великою Россиею; те же обе Руси вместе названы тогда Малою Россиею...”

Из книги архиепископа Георгия Кониского следуют те же выводы, что и из книг других ведущих славянских историков: после Владимира Первого и его старшего сына Ярослава (прозванного в народе Мудрым) начались междоусобные войны и борьба за Киевский трон среди их наследников и потомков, что не могло не привести к разделу Киевской Руси на отдельные княжества, её дальнейшему ослаблению и, в конечном счёте, к 300-летнему татарскому игу.

Вернёмся теперь к изложению исторических событий, кратко обозначенных выше в сочинении Г. Кониского, в той последовательности, которая имела место в правление великого князя Андрея Боголюбского.

Из цитированной выше книги В.О. Ключевского “Курс русской истории” (Т.1, ч.1, лекция XVIII. – С.320 и далее):

*“...НОВЫЕ ЧЕРТЫ МЕЖДУКНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ. Никогда не бывало ещё такой беды с матерью городов русских. Разграбление Киева **своими** (а сегодня – расстрел русскоязычных украинцев своими – А. Г.) было резким проявлением его упадка, как земского и культурного средоточия. Видно было, что политическая жизнь текла параллельно с народной и даже вслед за нею, по её руслу. Северный князь только что начинал ломать южные княжеские понятия и отношения, унаследованные от отцов и дедов, а глубокий перелом в жизни самой земли уже чувствовался больно, разрыв народности обозначился кровавой полосою, отчуждение между северными переселенцами и покинутой ими южной родиной было уже готовым фактом: за 12 лет до киевского погрома 1169 г., тотчас по смерти Юрия Долгорукого, в Киевской земле избивали приведённых им туда суздальцев по городам и по сёлам. По смерти брата Глеба Андрей отдал Киевскую землю своим смоленским племянникам Ростиславичам.*

Старший из них, Роман, сел в Киеве, младшие его братья, Давид и Мстислав, поместились в ближайших городах. Сам Андрей носил звание великого князя, живя на своём суздальском севере. Но Ростиславичи раз показали неповиновение Андрею, и тот послал к ним посла с грозным приказанием: “Не ходишь ты, Роман, в моей воле со своей братией, так пошёл вон из Киева, ты, Мстислав, вон из Белгорода, а ты, Давид, вон из Вышгорода; ступайте все в Смоленск и делитесь там, как знаете» В первый раз великий князь, названный отец для младшей братии, обращался так не по-отечески и не по-братски со своими родичами... впервые была сделана попытка заменить неопределённые, полюбовные, родственные отношения князей по старшинству обязательным подчинением младших старшему, политическим их подданством наряду с простыми людьми.

Владимир при Андрее превзошёл богатством и населённостью старшие города своей области. Такое необычное перенесение княжеского стола из старших городов в пригород сёрдило ростовцев и суздальцев, которые роптали на Андрея, говоря: “Здесь старшие города Ростов да Суздаль, а Владимир наш пригород”. Точно так же не любил Андрей и старшей отцовской дружины... Наконец, желая властвовать без раздела, Андрей погнал из Ростовской земли вслед за своими братьями и племянниками и “передних мужей” отца своего, т. е. больших отцовых бояр. Так поступал Андрей, по замечанию летописца, желая быть “самовластем” всей суздальской земли. За эти необычные политические стремления Андрей и заплатил жизнью. Он пал жертвой заговора, вызванного его строгостью. Андрей казнил брата своей первой жены, одного из знатных слуг своего двора, Кучковича. Брат казнённого с другими придворными составил заговор, от которого и погиб Андрей в 1174 г.”

По-видимому, это был один из первых, если не первый, заговор с целью убийства великого князя в истории Киевской Руси. Как следует из вышеизложенных исторических источников, борьба за “стол” в Киеве происходила после смерти Ярослава Мудрого почти непрерывно, однако, скорее в форме открытых противостояний, нежели в форме заговоров, тем более, не в “центральном” Киевском княжестве, а в отдалённом Суздальском.

До известной степени условная аналогия с днём сегодняшним в Киеве – это отстранение от власти законно избранного в 2010 г. президента Украины В. Януковича и появление на киевской сцене так называемых “лидеров Евромайдана” и им подобных.

Те исторические персоны XIII–XIV веков, о которых речь в этой главе будет идти далее, по мнению автора, и не только его, с полным основанием могут характеризоваться как выдаю-

щиеся хранители, защитники, собиратели, архипастыри Киевской Руси и её наследия – Великороссии, Малороссии и Белороссии.

Прошу извинения у читателя за обширное цитирование фундаментального труда русско-украинского историка Н.И. Костомарова, но, как представляется автору, лучше, чем он, об этих замечательных лицах духовного и светского звания не написал никто. Во времена нынешней “киевской смуты” напомнить об их духовных и ратных подвигах кажется особенно важным.

С.153: “Гл. 8. Князь Александр Ярославич Невский.

XIII век был периодом самого ужасного потрясения для Руси. С востока на неё нахлынули монголы с бесчисленными полчищами покорённых татарских племён, разорили, обезлюднили большую часть Руси и поработили остаток народонаселения; с северо-запада угрожало ей немецкое племя под знаменем западного католичества. Задачей политического деятеля того времени было поставить Русь по возможности в такие отношения к разным врагам, при которых она могла удержать своё существование. Человек, который принял на себя эту задачу и положил твердое основание на будущие времена дальнейшему исполнению этой задачи, по справедливости может назваться истинным представителем своего века.

Таким является в русской истории князь Александр Ярославич Невский.

Отрочество и юность его большею частью протекли в Новгороде. Отец его Ярослав всю жизнь то ссорился с новгородцами, то опять ладил с ними. Несколько раз новгородцы прогоняли его за крутой нрав и насилие и несколько раз приглашали снова, как бы не в состоянии обойтись без него. Князь Александр уже в молодых летах подвергался тому же вместе с отцом. В 1228 году, оставленный со своим братом Федором, с двумя княжескими мужьями, в Новгороде, он должен был бежать, не выдержав начавшегося в то время междоусобия – явления обычного в вольном Новгороде. В 1230 году юноша снова вернулся в Новгород с отцом и с тех пор, как кажется, долго не покидал Новгорода. С 1236 года начинается его самостоятельная деятельность. Отец его Ярослав уехал в Киев; Александр посажен был князем в Великом Новгороде. Через два года (1238) Новгород праздновал свадьбу своего молодого князя: он женился на Александре, дочери Брачислава полоцкого, как кажется, последнего из Рогволодовичей, скоро заменённых в Полоцке литовскими князьками. Венчание происходило в Торопце... Молодой князь был высок ростом, красив собою, а голос его, по выражению современника, “зрел перед народом как труба”. Вскоре важный подвиг предстоял ему.

Вражда немецкого племени со славянским принадлежит к таким всемирным историческим явлениям, которых начало недоступно исследованию, потому что оно скрывается во мраке доисторических времён. При всей скудости сведений наших, мы не раз видим в отдалённой древности признаки давления немецкого племени над славянским. Уже с IX века в истории открывается непрерывное многовековое преследование славянских племён; немцы поработали их, теснили к востоку и сами двигались за ними, поработая их снова. Просторный прибалтийский край, некогда населённый многочисленными славянскими племенами, подпал насильственному немецкому игу для того, чтобы потерять до последних следов свою народность. За прибалтийскими славянами к востоку жили литовские и чудские племена, отделявшие первых от их русских соплеменников. К этим племенам в конце XII и начале XIII века проникли немцы в образе воинственной общины под знаменем религии и, таким образом, стремление немцев к поработению чужих племён соединилось с распространением христианской веры между язычниками и с подчинением их папскому престолу. Эта воинственная община была рыцарский орден крестоносцев, разделявшийся на две ветви: орден Тевтонский или Св. Марии и, позже его основанный в 1202 году, орден Меченосцев, предназначенный для поселения в чудских и леттских краях, соседних с Русью. Оба эти ордена соединились впоследствии для совокупных действий.

Полоцкий князь Владимир, по своей простоте и недалёковидности, сам уступил пришельцам Ливонию (нынешние прибалтийские губернии) и этим поступком навёл на северную Русь продолжительную борьбу с исконными врагами славянского племени.

Властолюбивые замыслы немцев после уступки им Ливонии обратились на северную Русь. Возникла мысль, что призыванием ливонских крестоносцев было не только крестить язычников, но и обратить к истинной вере русских. Русские представлялись на западе врагами Св. Отца и римско-католической церкви, даже самого христианства (приблизительно так же, как сегодня на западе они представляются агрессорами, захватившими Крым и нависшими над раздираемой конфликтами Украиной – А. Г.).

Борьба Новгорода с немцами была неизбежна. Новгородцы ещё прежде владели значительным пространством земель, населённых чудью, и постоянно, двигаясь на запад, стремились к подчинению чудских племён. Вместе с тем, они распространяли между последними православие более мирным, хотя и более медленным путём, чем западные рыцари. Как только немцы утвердились в Ливонии, тотчас начались нескончаемые и непрерывные столкновения и войны с Новгородом; и так шло до самой войны Александра. Новгородцы подавали помощь язычникам, не хотевшим креститься от немцев, и потому-то в глазах западного христианства сами представлялись пособниками язычников и врагами христовой веры. Такие же столкновения явились у новгородцев с католическою Швецией по поводу Финляндии, куда с одной стороны проникали новгородцы с православным крещением, а с другой – шведы с западным католичеством; спор между обеими сторонами был также и за земное обладание финляндской страной.

Папа, покровительствуя ордену, возбуждал как немцев, так и шведов, к такому же покорению северной Руси, каким уже было покорение Ливонии и Финляндии. В завоёванной Ливонии немцы насильно обращали к христианству язычников; точно также приневоливали они принимать католичество крещённых в православную веру туземцев; этого мало: они насильно совести и тех коренных русских поселенцев, которых отцы ещё прежде прибытия рыцарей водворились в Ливонии.

Силы ордена меченосцев увеличились от соединения с тевтонским орденом. Между тем рыцари, по решению Папы, должны были уступить датчанам часть Ливонии (Гаррию и Вирландию), а Папа предоставил им вознаградить себя за это покорением русских земель. Вследствие этого, по призыву дерптского епископа Германа, рыцари и с ними толпа немецких охотников бросились на Псков. Один из русских князей Ярослав Владимирович вёл врагов на своих соотечественников. В 1240 году немцы овладели Псковом: между псковитянами нашлись изменники; один из них, Твердила Иванкович, стал управлять городом от немецкой руки... (Как видим, предшественники нынешних украинских “бандеровцев” – борцов за “незалежность и самостийность” – водились на Руси ещё в XIII веке – А. Г.).

...Новгородцы рассудили, что один Александр может их выручить, и отправили к нему владыку Спиридона. Дело касалось не одного Новгорода, а всей Руси – Александр не противился.

Немедленно отправился он с новгородцами очищать новгородскую землю от врагов, разогнал их отряды, взял Копорье, милостиво обращаясь с пленниками, перевешал, однако, изменивших Новгороду вожан и чудь. Затем он достиг Пскова, освободил его от немцев, отправил в окопах в Новгород двух немецких наместников Пскова.

Оставаясь во Пскове, Александр ждал против себя новой неприятельской силы и вскоре услышал, что она идёт на него. В первых числах апреля 1242 года Александр двинулся навстречу врагам, и у скалы, называемой “Вороний камень” на Узмени, произошла другая битва, не менее знаменитая Невской, известная в истории под названием “Ледовое побоище”. Враги встретились в субботу 5 апреля при солнечном восходе. Увидев приближающихся врагов, Александр поднял руки вверх и громко сказал: “Рассуди, Боже, спор мой с этим высокомерным

народом!». Битва была упорная и жестокая. С треском ломались копья. Лёд побазгровел от крови и трескался местами. Многие потонули. Потерявшие строй немцы бежали; русские с торжеством гнали за ними семь вёрст до Суболичского берега.

С торжеством возвращался Александр в освобождённый Псков. Близ коня его вели знатных рыцарей; за ним гнали толпу простых пленных. Навстречу ему вышло духовенство. Народ приветствовал победителя радостными кликами.

Эти две победы имеют важное значение в русской истории. Правда, проявления вражды немцев с русскими не прекращались и после того, в особенности для Пскова, который не раз вступал с орденом в кровавые столкновения, но уже мысль о покорении северных русских земель, о порабощении их наравне с Ливонией, которое подвергло бы их участи прибалтийских славян, – навсегда оставила немцев. Сами Папы, вместо грозных булл, возбуждавших крестовые походы на русских наравне с язычниками, избрали другой путь, в надежде подчинить себе Русь, – путь посольств и убеждений, оказавшийся, как известно, столь же бесплодным, как и прежние воинственные буллы.

Александр мог оружием переведаться с западными врагами и остановить их покушения овладеть северною Русью; но не мог он с теми же средствами действовать против восточных врагов. Западные враги только намеревались покорить северную Русь, а восточные уже успели покорить прочие русские земли, опустошить и обезлюдить их. При малочисленности, нищете и разрозненности остатков тогдашнего русского населения в восточных землях нельзя было и думать о том, чтобы выбиться оружием из-под власти монголов. Надобно было избрать другие пути. Руси предстояла другая историческая дорога, для русских политических партий – другие идеалы. Оставалось отдаться на великодушие победителей, кланяться им, признать себя их рабами и тем самым, как для себя, так и для своих потомков, усвоить рабские свойства. Это было тем легче, что монголы, безжалостно истреблявшие всё, что им сопротивлялось, были довольно великодушны и снисходительны к покорным. Александр, как передовой человек своего века, понял этот путь и вступил на него. Ещё отец его Ярослав отправился в Орду, но не воротился оттуда. Его путешествие не могло служить образцом, потому что не могло назваться счастливым: говорили даже, что его отравили в Орде. Александр совершил своё путешествие с таким успехом, что оно послужило образцом и примером для поведения князей.

Наши летописцы говорят, что Батый сам приказал Александру в качестве князя новгородского явиться к себе и дал приказ в таких выражениях: «Мне покорил Бог многие народы: ты ли один не хочешь покориться державе моей? Но если хочешь сохранить за собой землю свою, приди ко мне: увидишь честь и славу царства моего». Александр приехал в волжскую Орду вместе с братом Андреем в 1247 году. Тогда, по смерти Ярослава, достоинство старейшего князя оставалось незанятым, и от воли победителей зависело дать его тому или другому...

...Нам неизвестно, где именно Ярославичи поклонились великому хану, но они были приняты ласково и возвратились благополучно домой. Андрей получил княжение во Владимире, Александру дали Киев; по-видимому, в этом было предпочтение Александру, так как Киев был старше Владимира, но киевская земля была в те времена до такой степени опустошена и малолюдна, что Александр мог быть только по имени великим князем. Вероятно, монголы сообразили, что Александр, будучи умнее других, мог быть для них опасен и потому, не испытывая его верности, не решились дать ему тогда Владимир, с которым соединялось действительное старейшинство над покорёнными русскими землями.

Посещение монголов должно было многому научить Александра и во многом изменить его взгляды. Он познакомился близко с завоевателями Руси и понял, с какой стороны с ними ужиться возможно. Свирепые ко всему, что сопротивлялось им, монголы требовали одного – раболепного поклонения. Это было в их нравах и понятиях, как и вообще у азиатских народов. Чрезвычайная сплочённость сил, безусловное повиновение старшим, совершенная без-

гласность отдельной личности и крайняя выносливость – вот качества, способствовавшие монголам совершить свои завоевания, качества, совершенно противоположные свойствам тогдашних русских, которые, будучи готовы защищать свою свободу и умирать за неё, ещё не умели сплотиться для этой защиты. Чтобы ужиться теперь с непобедимыми завоевателями, оставалось и самим усвоить их качества. Это было тем удобнее, что монголы, требуя покорности и дани, считая себя вправе жить на счёт подчинённых, не думали насиловать ни их веры, ни их народности. Напротив, они оказывали какую-то философскую терпимость к вере и приёмам жизни побеждённых, но покорных народов. Поклоняясь единому Богу, с примесью грубейших суеверий, естественно свойственных варварскому состоянию умственного развития, они не только позволяли свободное богослужение иноверцам, но и отзывались с известным уважением о всех верах вообще. Проницательный ум Александра, вероятно, понял также, что покорность завоевателю может доставить такие выгоды князьям, каких они не имели раньше...

...Александр не поехал в данный ему Киев, а отправился в Новгород. Пока он не был старейшим, ещё он ладил с новгородской вольностью. Новгородцы считали себя независимыми от татар, но через два года произошёл на Руси переворот...

...Само собою разумеется, что это событие возбудило гнев властителей Руси. В Орде уже собирали полки наказывать мятежников; Александр поспешил в Орду. Кроме сбора дани, русским угрожала ещё иная тягость: помогать войском татарам в их войнах с другими народами...

...Хан Берке оказался более милостив к русским, чем можно было даже ожидать. Он по просьбе Александра освободил русских от обязанности идти на войну. Александр, однако, прожил тогда в Орде всю зиму и лето, и это заставляет предполагать, что не сразу удалось ему приобрести такую милость для своих соотечественников. Возвращаясь оттуда по Волге большим, он остановился в Нижнем Новгороде, через силу продолжал путь далее, но, приехав в Городец, окончательно слёг и, приняв схиму, скончался 14 ноября 1263 года.

Тело его встречено народом близ Боголюбова и было похоронено во Владимире в церкви Рождества Богородицы. Говорят, что митрополит Кирилл, услышавши во Владимире о смерти Александра, громко сказал: “Зашло солнце земли русской”. Духовенство более всего уважало и ценило этого князя. Его угодливость хану, умение ладить с ним, твёрдое намерение держать Русь в повиновении завоевателям и, тем самым, отклонять от русского народа бедствия и разорения, которые постигали бы его при всякой попытке к освобождению и независимости, – всё это вполне согласовалось с учением, всегда проповедуемым православными пастырями: считать целью нашей жизни загробный мир, безропотно терпеть всякие несправедливости и угнетения, покоряться всякой власти, хотя бы иноплеменной и поневоле признаваемой”.

Спустя 563 года один из руководителей восстания декабристов, подполковник царской армии Сергей Муравьев-Апостол перед казнью в Петропавловской крепости в предсмертном “Завещании России” так выразил своё понимание менталитета русского народа: “Рабство – с Богом, свобода – с дьяволом” (Его приводит известный русский писатель и публицист Д.С. Мережковский в своём романе-трилогии “Царство Зверя” (Петроград: Изд. “Огни”, 1918).

Может быть, с кратко описанных выше событий и началось татаро-монгольское иго на Руси, продолжавшееся, как известно, приблизительно 300 лет?

В дни празднования 700-летия одного из наиболее почитаемых русских святых – Преподобного Сергия Радонежского – особенно уместно вернуться к историческим фактам жизни и подвижнической деятельности этого великого Праведника и Труженика. В день его 700-летия (18 июля 2014 г.) автор побывал в Троицком соборе Лавры, где покоятся нетленные мощи

Преподобного Сергия и, приложившись к мощам, помолился за спасение России, за упокой душ усопших родных, здоровье своей семьи и всех Православных христиан.

Из “Русской истории в жизнеописаниях её главнейших деятелей” Н.И. Костомарова (Кн.1, отдел 1. Господство дома Св. Владимира. Вып.1. X – XIV века. – СПб., 1873 г. – Гл. 10. Преподобный Сергий. – С.195 и далее):

“Монашество после Феодосия продолжало расширяться; где только распространялось христианство, там возникали и монастыри. Одни из них строились и поддерживались князьями и богатыми частными лицами, другие, по образцу, оставленному Киево-Печерским монастырём, созидались отшельниками, которые сначала уходили в пустынные места, а потом славой своих подвигов невольно привлекали к себе товарищей и после обыкновенно делались настоятелями образуемых таким образом обителей. Последнего рода монастыри представляют особенную важность для истории, потому что такие монастыри привлекали население в пустынные места и были одними из главных двигателей русской колонизации. Где являлся монастырь, там около него образовывалось село или даже многолюдный посад; расчищались дикие лесные места, обрабатывались поля, а около некоторых монастырей учреждались ярмарки, образовывалось средоточие промысла и торговли. Вместе с тем пролагались новые пути сообщения. Сами монахи вначале подавали пример трудолюбия и хозяйственности. Благочестивый обычай отдавать монастырям сёла делал монастыри не только религиозными, но и хозяйственными учреждениями. Надобно вообще заметить, что этот обычай, ослаблявший впоследствии строгость монашеской жизни и даже развращавший монастыри, имел в своё время благодетельные последствия: жители монастырских волостей пользовались сравнительно большей безопасностью, так как, с одной стороны, князья, воюя между собою, из религиозного страха нередко щадили их, не щадя других волостей, а при монгольском владычестве монастырские волости находились в наиболее благоприятном положении: ограждённые ханами, насколько исполнялись ханские повеления, от поборов и разорений, монастыри умножались непрерывно; но с половины XIV века умножение их является в несравненно большем размере против прежних времён; на Руси делается заметным сильное стремление к монастырской жизни, и это стремление избирает для себя преимущественно последний из указанных нами способов основания монастырей. Отшельники убегают от людей в дикие места; к ним присоединяются другие; основывается обитель; народ стремится туда на поклонение, возникает около обители поселение; в свою очередь, из этой обители выходят отшельники, удаляются в новые дикие места, основывают там другие обители и также привлекают к себе население и т. д. Этим путём весь дикий, неприступный север с его непроходимыми лесами и болотами до самого Ледовитого моря усевается монастырями, и к ним, как к средоточиям жизни, приливают колонии смелых и трудолюбивых жителей, готовых на тяжёлую борьбу с негостеприимною природою. Независимо от общего аскетического духа, всегда господствовавшего в религиозных воззрениях православной Руси, в XIV столетии были причины, особенно способствовавшие распространению и процветанию монашества...

...Наконец, пример одних увлекал других; усилившееся в XIV веке стремление к основанию монастырей сделалось обычаем на долгое время; оно уже продолжалось и в последующие века, и русская жизнь усвоила себе этот способ колонизации сплошь до XVII века. Этот способ отразился и в истории раскола.

Монастыри оказывали великое нравственное влияние на народную жизнь; многие из их основателей приобрели по смерти повсеместное уважение; толпы народа стекались у их мощей, и это в известной степени способствовало сплочению нравственных сил народа, что в особенности оказывалось там, где святые чествовались не местно, не одною какою-нибудь семьёй, а всю Русью. Такое значение прежде всего имела святыня киевская; после неё второе место занимала святыня московской земли...” (выделено мной – А. Г.).

Как в свете вышесказанного рассматривать сегодняшнюю ситуацию, в частности, положение Киево-Печерского монастыря (Лавры), который, как известно, относится к Русской Православной церкви? Может ли он оказывать сегодня устоявшееся веками “великое нравственное влияние на народную жизнь” и чью? Украинцев? Но, например, Митрополит Каневский и Черкасский Софроний недавно публично заявил, что русскоязычные украинцы, тем более живущие в России, являются предателями своей Родины. Русских, живущих на Украине, которых пытаются сделать изгоями и заставить уехать из страны? А как расценить бюрократические проволочки, не позволяющие 280 большегрузным транспортам из России с остро необходимым продовольствием, водой и медикаментами для осаждённых Донецка и Луганска попасть к месту назначения для оказания помощи погибающему населению? То же касается и тяжелобольных детей, которых с каждым днём всё труднее вывезти из Донецка и Луганска в Россию на лечение.

Вернёмся к цитированию фундаментального труда историка Н.И. Костомарова (С.197):

“...Ранее всех и более всех святых, являвшихся в московской земле, приобрёл народное уважение всей Руси преподобный Сергий, основатель знаменитой Троице-Сергиевской Лавры, получивший в глазах великорусского народа значение покровителя, заступника и охранителя государства и церкви. Кроме того, личность Сергия представляется исторически важной потому, что он был отцом множества обителей; некоторые из них были основаны при его жизни, а ещё более возникло их после смерти Сергия, основанных его сподвижниками и учениками, или же учениками его учеников.

Жизнь Сергия, можно сказать, служит самым полным образцом жизни и деятельности всех подобных ему основателей монашеских общин его времени. Все они в главных чертах представляют с ним подобие, при всех отличиях личных характеров и условий местности и времени. Замечательно, что этот святой муж, сделавшийся впоследствии покровителем Москвы и её властителей, происходил из рода, искавшего спасения в бегстве из родной земли от начинавшихся проявлений московской власти... Тогда в числе бежавших от начальства москвичей был боярин Кирилл, человек знатного и богатого рода, обедневший подобно многим от поборов, от платежа выходов, от разорительных посещений ханских послов и невольных посещений с князьями в Орду. Кирилл с супругою своею Мариєю и сыновьями: Стефаном, Варфоломеем и Петром перешёл в Радонеж (в 12-ти верстах от нынешней Лавры), удел, оставленный Иваном Калитою сыну своему Андрею. В тот век владельцы старались привлечь к себе население из других волостей и давали пришедшим разные льготы; так поступал и князь Андрей. Двое сыновей Кирилла, Стефан и Пётр, женились, но средний Варфоломей, одарённый поэтическим воображением и склонностью к созерцательной жизни, с отрочества порывался в монастырь. Тяжёлые труды подвижника, неустанная молитва и внутренняя борьба с искушениями молодой жизни представлялись привлекательными его горячей и крепкой натуре. Родители вскоре, чувствуя приближение кончины, постриглись и умерли. Старший брат Стефан лишился жены и пошёл в монастырь. Варфоломей уступил женатому брату Петру свою часть наследства, покинул отеческий дом и отправился по окрестностям искать места для пустынного жилья. Он сначала уговорил идти с собою брата своего Стефана и, вместе с ним, построил деревянную келью и церковь в лесу, на том месте, где теперь стоит богатый Троицкий собор Сергиевской Лавры...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.